

Лёше Остудину – другу и поэту

От твоей зимы до нашего лета
Двадцать тысяч километров, не боле...
Вдохновение – присутствие света,
Онемение – отсутствие боли.

Все поэты поневоле пророки,
Хоть в Рязани ты родись, хоть в Казани,
Всё предсказано – и сроки, и строки,
И мы заложники своих предсказаний.

Слово липнет к воспалённому нёбу,
Снова засуха на юго-востоке,
Словно клювы, запрокинуты к небу
В ожидании дождя водостоки.

Раскалённый горизонт неподвижен,
Мир положен на прокрустово ложе,
Невозможно жить, но хочется выжить,
Чтобы выжить – нужно сбрасывать кожу.

Чтобы выжить. Но становится страшно
Стать еще одним седым эвкалиптом...

Оттого ли вся поэзия наша –
Это наша отходная молитва?!

Оттого ли по церквам, синагогам
Плачут ангелы, что нас привечали?
Все мы люди, все мы бродим под Богом,
Чтоб в конце пути уснуть на причале.

Наблюдать, как в дымке солоноватой
Обезличенное городом горе
Разбивается, как брызги заката,
О ступени, уходящие в море.

Декабрьское

Я опрокинул рукомойник.
От подоконника отринув,
Ко мне ворвался, как разбойник,
Розовощек и мандаринов,
Декабрь, –
Морозным снегом колким
Стирать хандры осенней морок,
И мчаться, задевая ёлки,
Кататься с горок.
И в удивлении снежной бабы,
Которую целуют в губы,
Увидеть тень надежды слабой,
Что скоро боль пойдёт на убыль.
К Сочельнику нам станет лучше,
Продлится день и дух воспрянет,
И каждый к Рождеству получит
Свой маленький медовый пряник.

Что помнится? Татуировка Че
В ложбинке между выдохом и вдохом,
Твой отпечаток на моем плече,
Похожий на цветок чертополоха.

Жизнь начинается на че-рдаке,

как отвлечённо

там пыль качается в луче
яичной скорлупой толчёной.

Так время заполняет храм
и медленно втекает в вечность...

И слышит Бога Авраам,
и покидает Междуречье.